

олег погасий

ПОТУСТОРОННИЕ РИТМЫ

стихотворения

Олег Погасий

**Потусторонние ритмы.
Стихотворения**

«Издательские решения»

Погасий О.

Потусторонние ритмы. Стихотворения / О. Погасий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859278-2

Потусторонние ритмы: это попытка завязать в одну ткань стихотворения, ритмы и образы разных измерений бесконечной реальности.

ISBN 978-5-44-859278-2

© Погасий О.
© Издательские решения

Содержание

стихотворения	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Потусторонние ритмы Стихотворения

Олег Погасий

© Олег Погасий, 2017

ISBN 978-5-4485-9278-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХОТВОРЕНИЯ

У зеркала

Не молись, не постись, не говей.
Не цепляйся нигде ни к чему.
И в бессмертие личное больше не верь,
и себя сторонись, как чуму.

У квадрата зеркального, щеки надув,
ты щетину скоблишь по утрам,
и глядит на тебя – из глубин – в пене дум,
на тебя – отраженного там,

и на полках стеклянных построились в ряд
отражений: флакон, бутылки, —
и вопрос в глубине ты способен задать? —
«Тот, кто там – на поверхности – ты?».

Отстранен от почвы опыт

Арестованы глаголы,
если в клетках их отряды,
но свободны, как монголы,
на косых полях тетради.

Скоро вечер. Скоро вечер.
Не играют больше рифмы.
Если ты поставишь свечи, —
вместо крови, только лимфа.

Повторю, не испугаюсь,
я невольный очевидец:
ночи днями отмигают,
режут их лесá-ресницы.

Будто вывернут наружу,
как зверюга, но не сдох,
испытал утробный ужас,
под собой не чуя ног.

Отстранен от почвы опыт.
Натолкнулся на живое.
В коридоре хохот, топот.
Тронулся, слегка, от воя.

Пальцы сжали спинку стула.
Довели меня до линии. —

Часть рассудка внуки Вельзевула
вынули, как минимум.

Мысли вслух покоя не дают

Мысли вслух покоя не дают,
в вечности считаешь миг.
Ветра́, ветра́, – из века в век несут,
не в силах руку протянуть о них.

Но мне в порыве чувства прочитать
бы исповедь бескрайними стихами.
«Эй, житель!» – «А?» – «Подвинься, дай
прикоснуться к вечности». – «Что говоришь ты?» – «Амен».

Намечал что к ночи, – не сбывалось,
прахом шло, рубилось на корню.
«Житель, житель». – «А?» – «Подвинься малость,
тянет вечностью холодной на краю».

И не то чтоб сильно размечтался,
от небес расположения хотел,
тих я, тихо ходят, – отозвался,
«Бог простит» – мне бросили в ответ.

И летел я, точно умер, а затем и ожил.
Не в обычном понимании вещей, нет, —
был в пространстве зримо расположен,
точкой света обведен мой силуэт.

Мой лежащий, долговязый камень
подвизалась сторожить там смерть,
ничего не помню, только – «амен,
амен, амен, амен» – повторять я смел.

Хоронился от всего в сторонке
при дороге пыльной – я? – не я?
И намек понять тот тонкий
помогала черствая земля.

И оттолкнулся я от себя

И оттолкнулся я от себя.
И бедность тела истаяла
и пала плесенью лесов ночных
и городских подвалов,
но с рядом пуговиц
и вмятин памяти текучей
был отвлечен, отстегнут.
Пугала новизна
камней слоистых,

сосны
и мха,
но промелькнули,
камней слоистых,
сосны
и мха,
но промелькнули,
трава как твердая, чудовищные краски
переживаний, будто мокрое бревно,
чистосердечные звучания
вживание напоминают воды
в тишине
громоздкой,
но пронеслись и эти будни,
трава как твердая, и рубит
с размаху, и зарываясь в землю
теплую с помётом времени,
мой голос, как коса поет,
вживание напоминая воды
в тишине
громоздкой,
но пронеслись и эти будни,
вживание гвоздя в простор древесный —
так торможение времен, себя, я
знал тогда,
в простор переметнувшись
другой грозы и молниеносного
дождя и ожидал последождливую
погоду, а был привинчен трехгранным
взглядом на резьбу терзаний, и охраняем,
и прибит, и так же прочно,
как пыль дождем, и был
уберегаем, и мучим страшными,
которые стучали, устрасая
подвинуться к началу космоса.

На глубину неслыханных пустот

Смирила нас, родных и близких,
та настороженная тьма,
и на скамьях сидим мы низких.
В бараке длинном, как тюрьма,
езде прибита неподвижность
воздушной массы, — только вниз,
в глубины духа пала живность
пугливых мыслей, будто рысьи
блестят глаза у нас, родных,
да метит авторучки никель.
Под нами, близко... дыхи,
шумы, хождения, и вскрики.

Там плотность, плотность,
до потоотделения, до подлости,
одно и то же внутри, вовне,
там нет участия, хотя бы
временных делений, – и были бы
ровней в земле утопанной
их наждаки ожесточенные хождений.
Шумы, шумы веревки стянутой
на шее. И вглубь и врозь —
цистерны их мычаний
и муравьиный крик, —
в земле, в которой нет опор, —
простор без оперенья глин,
на глубину неслыханных пустот,
в невиданную ширь.

Ночное видение в Соборе Петропавловской крепости

Но рвется ткань сиреновой воды,
на Заячий я возвращаюсь остров.
Где дочь моя, жена? – один,
свои переставляю кости,
как житель горного подполья,
как спичка по ступеням – чирх-х! —
я поднимаюсь в колокольне
в объятья призраков ночных.

Они внизу качают город,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.